

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *катибов*»): секреты мастерства средневековых *катибов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПᲚᲠᲟᲚ (ЕвИуд) 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннисян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович	IN MEMORIAM	
А.А. Ковалев	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013		
© Институт восточных рукописей РАН, 2013		

А.Б. Куделин

**«Коллективный иснад»
как фактор композиции «Жизнеописания Пророка»
Ибн Исхака — Ибн Хишама**

В «Сире» Ибн Исхак первым из исламских ученых соединил вместе дискретные нарративные предания (*хадисы*) о жизни Мухаммада. Важным средством повествовательной техники Ибн Исхака стал так называемый *коллективный иснад*. Объединяя иснады отдельных хадисов в коллективных иснадах и складывая вместе специально обработанные информативные компоненты (*матны*) данных хадисов в сводных отчетах, он формировал определенные повествовательные структуры. Тем самым Ибн Исхак участвовал в создании необходимых предпосылок для утверждения в будущем принципов связанного повествования в средневековой арабской историографии.

Ключевые слова: «Жизнеописание Пророка», коллективный иснад, средство повествовательной техники.

В востоковедной литературе давно утвердилось мнение, что «Сира» Ибн Исхака (ум. в 150/767 г.) представляет собой связанное жизнеописание Пророка ислама. Так, по словам У.М. Уотта, в значительной мере подытожившего прежние высказывания, Ибн Исхак «внес наиболее значительный вклад в составление жизнеописания Мухаммада»: он «собрал практически всю доступную информацию, включая древние стихи, отобрал и организовал этот материал таким образом, что получилось связанное повествование (“a coherent story”))» (Уотт, 2006, с. 8).

Ученые, высказывавшие это — в целом верное — мнение, как правило, не ставили перед собой задачу вынести более или менее точное суждение ни о мере связанности текста этого памятника, ни о том, как именно происходит в нем связывание элементов жизнеописания в единое повествование о Мухаммаде. Между тем подобный анализ был бы несомненно полезен. Попытаемся более детально рассмотреть под указанным углом зрения композиционные принципы сочинения Ибн Исхака.

Однако вначале нам необходимо коротко напомнить об основных компонентах текста «Сирь». Ранее нами было предложено разделить их на внесюжетные и сюжетные с внутренним подразделением на прозаические и поэтические. К внесюжетным прозаическим элементам можно отнести: коранические цитаты и интерпретирующие их тексты; пассажи с так называемыми *асбаб ан-нузул* (причины и обстоятельства ниспослания *айатов* и *сур* Корана); ненарративные *хадисы*; официальные документы; различного рода поименные перечисления (списки); дополнения, комментарии Ибн Исхака, Ибн Хишама и др., снабжающие основное повествование сведениями маргинального характера. Внесюжетные поэтические элементы представлены главным образом стихотворными отрывками, служившими разъяснению филологических, генеалогических, топонимических и пр. аспектов текста «Сирь». К сюжетным прозаическим элементам относятся нарративные *хадисы*, различные истори-

ческие сообщения и рассказы (*хабары*); к стихотворным — стихи, в которых отразилась внутриплеменная и межплеменная борьба, религиозная пропаганда и конфликты на религиозной основе и т.п.¹

Значительная часть перечисленных внесюжетных элементов никак не включается в связное повествование и в большинстве случаев даже формально выносятся за рамки наррации. По этой причине в настоящей статье речь пойдет лишь о сюжетных элементах, которые потенциально могут органично входить в связное повествование.

Что же касается сюжетных компонентов, то во второй половине VIII в. они сохранили в значительной мере свои первоначальные характеристики, и в силу этого объективного обстоятельства Ибн Исхак — а позднее и Ибн Хишам — должны были осознанно или неосознанно соотноситься с ними в процессе создания текста «Сиры». Соединяя нарративные элементы в рамках своего произведения, Ибн Исхак и Ибн Хишам трансформировали их в разной степени; точнее, перечисленные элементы в разной степени поддавались индивидуально-авторской трансформации и — соответственно — в разной степени могли служить материалом для создания связного повествования.

Для более углубленного изучения характеристик нарративных элементов представляется целесообразным начать с определения их места в стадийно-типологическом плане. В данном аспекте повествовательные элементы «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама могут быть разделены на две большие группы: а) компоненты доисламского и раннеисламского историко-генеалогического предания (прозаические рассказы */ахбар* и *аййам/*, сообщения о родословиях */ансаб/*, стихи)²; б) компоненты предания о жизни и деятельности Пророка ислама и его ближайших сподвижников.

Во второй половине VIII в. данные компоненты — скажем об этом еще раз — в значительной мере сохраняли свои первоначальные специфические характеристики. Вместе с тем все названные компоненты — и доисламские, и раннеисламские, и связанные с преданием о жизни и деятельности Мухаммада — несомненно обладали одной общей характеристикой — дискретностью. «И в прозаическом предании, и в поэзии господствовал принцип „событийной“ группировки информации»; «исторический факт, событие, действие сами по себе не имели ценности», что обусловило «дискретный характер исторического сообщения в составе предания», — пишет П.А. Грязневич³.

Ввиду важности данного вопроса необходимо рассмотреть его несколько подробнее. О нарративных хадисах достаточно сказать, что они дискретны по самой своей природе, поскольку ограничиваются, как правило, рассказом об одном или нескольких конкретных эпизодах жизни Пророка ислама. В состав сборников хадисов они включаются как независимые композиционные единицы. Что же касается дискретности доисламского и раннеисламского исторического предания, то о ней так или иначе говорят многие исследователи. Обычно ее возводят к сборникам *хабаров* (сегодня по большей части утерянных), скомпилированных приблизительно между 750 и 850 гг. несколькими учеными, среди которых наиболее цитируемы: Ибн Исхак (ум. в 150/767 г.), Абу Михнаф Лут ибн Йахйа (ум. в 157/774 г.), Сайф ибн Умар (ум. ок. 180/796 г.),

¹ Подробнее см.: Куделин, 2005; Ибн Исхак — Ибн Хишам, 2009, с. 5–53.

² Подробнее см.: Грязневич, 1982, с. 124. У П.А. Грязневича, когда он говорит о доисламском историко-генеалогическом предании, термин *хабар* (мн.ч. *ахбар*) означает информацию исторического, биографического или занимательного характера и во многом совпадает по значению с понятием *аййам ал-'араб*. О термине *хабар* также см.: Wensink, 2003, p. 895b; Бойко, 1991, с. 259–260; Кади, 1998.

³ Подробнее см.: Грязневич, 1982, с. 135–136.

Хишам ибн Мухаммад ал-Калби (ум. в 204/809 г.), ал-Хайсам ибн ‘Ади (ум. в 207/822 г.), Мухаммад ибн ‘Умар ал-Вакиди (ум. в 207/822 г.), ‘Али ибн Мухаммад ал-Мада’ини (ум. в 135–226 или 228/752–841 или 842–3 г.) и Мухаммад ибн Са‘д (ум. в 230/845 г.) (Та’ṭikḥ, 2000, p. 273a).

Ранние из перечисленных трудов, вероятнее всего, были значительно отредактированы в начале III/IX в., но и в отредактированной форме они сохранили свои первоначальные особенности. При своеобразии тематики, подачи материала, источников и т.п. каждого из названных сборников им присущ и ряд общих черт, среди которых современные исследователи выделяют, в частности, следующие. Данные труды 1) были скорее сводами отдельных сообщений-*хабаров*, относящихся каждый раз к определенному событию из некоего заданного перечня событий, нежели целостными повествованиями о том или ином из этих самых событий; 2) большинство из них носило скорее «монографический», чем «синтезирующий» характер: в рамках одного сборника приводились вместе отдельные отчеты об одном отдельно взятом крупном событии (например, о «Битве верблюда» [36/656 г.]); 3) в данных трудах использовался *иснад* (не обязательно очень строго) для указания передатчиков сообщений о событиях, о которых в них говорилось⁴.

Особенности ранних сборников *хабаров* были в значительной мере сохранены в обширных исторических компиляциях ал-Балазури (ум. в 279/892 г.) и Абу Джа‘фара ат-Табари (ум. в 224–5–310/839–923 г.). Оба автора стремятся собрать все наиболее достоверные сообщения, имеющие отношение к важнейшим событиям и лицам в исламской истории, и используют инструмент *мухаддисов* (специалистов по хадисам) — *иснад* — для того чтобы показать происхождение каждого сообщения, убедить информированного читателя в его достоверности. При этом авторы данных компиляций не предпринимают усилий для создания связного повествования о событиях (“a unified narrative of events”). Напротив, они приводят серии разрозненных сообщений-*хабаров* длиной от строки до нескольких страниц. Эти *хабары* не связываются «нарративной» нитью (“a narrative thread”), а всего лишь следуют один за другим, будучи отмеченными всякий раз своим собственным *иснадом*. Иногда один *хабар* может противоречить другому. Критерии включения одних *хабаров* и исключения других почти никогда эксплицитно не называются. В целом, историк может сократить или изложить своими словами *хабары*, найденные им в источниках, некоторые сообщения он может соединять в «коллективную традицию» (“a ‘collective tradition’”). Ал-Балазури парафразирует достаточно вольно; ат-Табари, близко следуя за текстами сообщений своих источников, часто подвергает их значительному сокращению. Оба историка не вторгаются в повествование для оценки его значимости или для вынесения суждения об участниках описываемого события⁵.

Изложение вопроса о дискретности арабо-мусульманских исторических сочинений было бы неполным и неточным, если бы мы не сказали о существовании в лоне той же арабо-мусульманской историографической традиции в интересующий нас период других трудов, характеризующихся иным отношением к изложению материалов доисламского и раннеисламского исторического предания. Отметим в этой связи, что авторы статьи Та’ṭikḥ разделяют историографические труды по признаку дискретности — континуальности на две группы: *компиляции* (the compilations) и *компендиумы* (the digests). О компиляциях ал-Балазури и ат-Табари мы уже говорили. Перейдем теперь к компендиумам.

⁴ Подробнее см.: Та’ṭikḥ, 2000, p. 273a–273b.

⁵ Подробнее см.: Та’ṭikḥ, 2000, p. 272a–272b.

К репрезентативным образцам компендиумов авторы статьи Та'риф⁶ относят три практически одновременных труда рассматриваемого нами периода: «Китаб ал-ма'ариф» Ибн Кутайбы (ум. в 276/889 г.), «ал-Ахбар ат-тивал» ад-Динавари (ум. в 281/894 г.) и «Тарих» ал-Йа'куби (ум. в 283/897 г.), и несколько более поздних сочинений: «Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джавхар» и «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» ал-Мас'уди (ум. в 345/956 г.)⁶. Если ограничиться краткой характеристикой этих трудов в интересующем нас аспекте, то можно сказать, что в них в целом преодолена дискретность доисламского и раннеисламского исторического предания. Авторы компендиумов, стремясь «предложить ясную и недвусмысленную интерпретацию исламской истории», представляли исторические материалы, дошедшие до них от ранних собирателей, в рамках «единой повествовательной линии» (“a single narrative line”)⁷.

В приведенной характеристике необходимо особо отметить отсутствие элемента, играющего первостепенную роль в компиляциях: авторы компендиумов редко прибегают или же вовсе не прибегают к иснадам для атрибуции приводимых ими сведений⁸.

«Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака в пределах дихотомической классификации «дискретность — континуальность» занимает промежуточное положение между компиляциями и компендиумами. С одной стороны, данный труд в полной мере описывается на сборники *хабаров* и *аййам*, отличительной чертой которых является дискретность⁹, и в этом плане он сближается с компиляциями. С другой стороны, «Сира» Ибн Исхака представляет собой, по мнению многих историков, один из первых образцов связного описания, в центре которого находится Пророк ислама, его жизнь и деяния¹⁰. И в данном аспекте «Сира» сближается с компендиумами¹¹. При этих двух разнонаправленных сближениях важным, определяющим моментом является то, что «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака хронологически опережает все вышеперечисленные компиляции и компендиумы и, таким образом, не могло ориентироваться на них как на образцы для подражания.

В данном контексте вопрос о том, как именно Ибн Исхак организовал разнородный материал в своем труде для создания связного повествования, приобретает особую значимость. В настоящей статье мы попытаемся наметить пути его разрешения.

При составлении «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхак нуждался в инструменте соединения повествовательных фрагментов для образования определенных композиционных структур. В эпоху создания «Сирь» таким инструментом стал иснад хадисного типа, получивший широкое применение при составлении практически всех разновидностей нарративных текстов. Иснад и его производное — «коллектив-

⁶ Х.А.Р. Гибб называет перечисленные труды Ибн Кутайбы, ал-Йа'куби, ал-Мас'уди «историческими энциклопедиями» (Гибб, 1960, с. 129–130).

⁷ Подробнее см.: Та'риф, 2000, р. 272а.

⁸ В свое время И.Ю. Крачковский специально остановился на этой стороне дела при анализе труда ад-Динавари. Его «Книга длинных сообщений» («Китаб ал-ахбар ат-тивал»), представляющая собой, по оценке ученого, связное повествование (“une narration suivie”), составленное из «длинных сообщений», практически лишена полных иснадов и упоминаний источников сведений (подробнее см.: Dīnawarī, 1912, р. 54–56).

⁹ Ср. с давней характеристикой военных эпизодов мединского периода жизни Мухаммада в «Сире» Ибн Исхака: «Эти рассказы являются всего лишь продолжением или развитием литературы *аййам ал-'араб* и характеризуются, в частности, «тенденцией распада на целый ряд эпизодов, лишь очень слабо связанных между собой» (Levi Della Vida, 1913–1942, р. 440).

¹⁰ Подробнее см.: Гибб, 1960, с. 123; Та'риф, 2000, р. 271а–271б.

¹¹ Такое предположение тем более допустимо, если принять во внимание, что, возможно, самым ранним компендиумом был, судя по немногочисленным сохранившимся фрагментам, именно еще один «краткий и суммарный труд» того же Ибн Исхака — «Тарих ал-хулафа» (подробнее см.: Гибб, 1960, с. 124; Та'риф, 2000, р. 273б).

ный иснад» — стали неотъемлемым, конститутивным элементом поэтики «Сирь» Ибн Исхака.

И здесь необходимо несколько подробнее сказать об истории и роли иснада (не только хадисного типа) в эпоху создания «Сирь». Сразу же определимся, что, следуя целям нашей работы, мы строго ограничимся фактами, относящимися к предшествующему и синхронному Ибн Исхаку периодам. Все труды последующего времени, принесшего регламентацию иснада и многочисленные ее переосмысления и уточнения, мы не будем учитывать, поскольку они не могли повлиять на функцию иснада в труде Ибн Исхака.

Известно, что, помимо хадисоведения, форма передачи сообщений с иснадами получила широкое распространение во всей арабо-мусульманской культуре. В арабской филологической традиции, например, метод собирания и передачи документов, согласно Р. Блашеру, был практически тот же, что применялся при собирании и критике хадисов¹². В целом же можно сказать, что начиная с VIII в. иснады как способ документирования сообщений использовались в дошедших до нас сочинениях по кораническим дисциплинам, историографии, филологических трудах, *адабной* литературе и т.д.¹³.

Не вдаваясь в долгое изложение этого вопроса, получившего достаточное освещение в востоковедной литературе, заметим лишь, что многие исследователи сходятся во мнении относительно существования хадисной, исторической, литературной и др. модификаций иснада. Заметим также, что наиболее обсуждаемые аспекты единого иснадного документирования сообщений — это приоритет использования иснада в той или иной области арабской культуры по отношению к другим; отличия хадисного иснада от литературного и других видов иснада; признаки и функции различных видов иснада¹⁴. Преимущественное внимание мы уделим хадисному иснаду, поскольку он более других видов иснада имеет отношение к теме нашей работы.

Изучение иснада и «коллективного иснада» как факторов композиции «Сирь» представляется целесообразным предварить кратким экскурсом в историю хадисного иснада с акцентом на его формальные характеристики. Начнем с описания базовых элементов хадиса.

Идеальную композиционную модель хадиса образуют два элемента: *иснад* и *матн*. *Иснад* — компонент хадиса, в котором регистрируются лицо или лица, в той или иной степени причастные к введению в общий фонд, сохранению и передаче на протяжении определенного времени информативного компонента хадиса — *матна*. *Матн* — обязательный компонент, без него хадис не может существовать, *иснад* же, как неоспоримо свидетельствуют средневековые сочинения, представляет собой не столь обязательный компонент, вследствие чего он и отсутствует во многих хадисах. В тех случаях, когда хадисы содержат иснады, последние чаще всего предшествуют матну, но могут занимать и любое другое место в хадисе: не только перед матном, но и в тексте самого матна, и после матна.

Приведем примеры хадисов.

«Он сказал: рассказал нам Абу ‘Абдаррахман, сказал: рассказал нам Хайва, сказал: сообщил мне Салим ибн Гайлан, что он слышал, как Даррадж Абу-с-Самх рассказы-

¹² Этот факт тем более объясним, что многие ученые, такие как: Абу ‘Убайд (ок. 154–224/ок. 770–838), Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (284–ок. 363/897–ок. 972) и другие были одновременно филологами, специалистами по хадисам и законоведами (подробнее см.: Blachère, 1952–1966, p. 118).

¹³ Подробнее см.: Гибб, 1960, с. 126; Халидов, 1985, с. 100–101, 105–107; Та’рих, 2000, p. 272b; Кади, 1998, с. 304.

¹⁴ Детально этот круг вопросов рассматривается в работах: Асад, 1962; Кади, 1998.

вал: от Абу-л-Хайсама: от Абу Са'ида, что он слышал, как Пророк говорил: „Когда Аллах доволен рабом, воздаст семикратно за то добро, которого тот не совершал, а когда гневается на раба, воздаст семикратно за зло, которого тот не совершал“. Он сказал: рассказал нам Ибн Вахб то же самое с тем же иснадом»¹⁵.

Сообщение в иснадной цепи передается, по точному определению А.Б. Халидова, «как эстафета», а ее звенья соединяются в обратном хронологическом порядке: от первого (позднего) к последнему (раннему) носителю информации. Формула хадиса с таким иснадом выглядит следующим образом:

$$F \Rightarrow E \Rightarrow D \Rightarrow C \Rightarrow B \Rightarrow A \rightarrow \Delta,$$

где F, E, D, C, B, A — звенья иснада-эстафеты, Δ — *матн*, отдельное передаваемое сообщение.

Техническая терминология иснада не отличается большим разнообразием и обычно сводится к следующим выражениям и их вариациям: «он сказал» («кала»), «он рассказал нам» («хаддаса-на»), «он сообщил нам» («ахбара-на»), «он услышал» («самми'а»), «он известил нас» («анба'-на»), «от» (в значении: «по авторитетному заявлению от») («'ан»)»¹⁶.

Приведем еще один хадис, извлеченный, по-видимому, из труда Ибн Шихаба аз-Зухри (ум. в 124/742 г.): «Он сказал: рассказал мне ал-Лайс, сказал: рассказал мне 'Акил: от Ибн Шихаба, сказал: „Дошло до меня, что посланник Аллаха — мир ему! был самым щедрым из людей, и щедрее всего он был в рамадане“»¹⁷.

Иснадная цепь данного хадиса обрывается и не приводит к непосредственному носителю информации. Последнее лицо в ней не было очевидцем события и не уточняет, от кого оно получило содержательную часть хадиса: «...Дошло до меня, что...» («...балага-ни анна...»).

Формула хадиса с таким иснадом выглядит следующим образом:

$$D \Rightarrow C \Rightarrow B \Rightarrow A \Rightarrow \dots \rightarrow \Delta,$$

где отточие (...) как раз и обозначает отсутствие одного или нескольких звеньев в конце иснада.

Иснадные цепи бывают и много длиннее и сложнее, чем в приведенных примерах. Они часто насчитывают до 8–10 и более звеньев, матн отдельного хадиса может сопровождаться несколькими параллельными цепями, восходящими в последнем, раннем звене к одному и тому же или к разным носителям одного сообщения и т.д. В виде формул некоторые из этих вариантов могут выглядеть так:

$$\begin{array}{c} 1. \Delta \\ \uparrow \\ D \Rightarrow C \Rightarrow B \Rightarrow A \Leftarrow E \Leftarrow F \Leftarrow G \\ 2. D \Rightarrow C \Rightarrow B \Rightarrow A \rightarrow \Delta \Leftarrow E \Leftarrow F \Leftarrow G \Leftarrow H \end{array}$$

Однако, сколь бы ни был сложен иснад, до тех пор, пока звенья его цепи или цепей выстраиваются, подобно эстафете, для передачи содержательной части, он неизменно выполняет, помимо атрибутивной функции, и функцию маркера и отграничителя определенного отдельного хадиса, в котором содержится одно сообщение.

Ученые расходятся во мнении относительно приблизительной даты начала регулярного использования иснада. В свое время И. Хоровиц пришел к заключению, что

¹⁵ Пример заимствован из: Халидов, 1985, с. 99.

¹⁶ Подробнее см.: Халидов, 1985, с. 103. Дж. Робсон уточняет, что во II–III/VIII–IX вв. значение этих терминов скорее всего не дифференцировалось. И только позднее ал-Хаким ан-Найсабури (ум. в 405/1014 г.) попытался определить границы использования каждого из них (Robson, 2003, p. 27b).

¹⁷ Пример заимствован из: Халидов, 1985, с. 98.

первое использование иснада датируется приблизительно 70/689 г. И. Шахт придерживался более поздней даты, а именно: первая половина II/VIII в.¹⁸ В любом случае, нам представляется основательным предположение, что спорадическое использование иснадов в устной передаче произошло раньше (Robson, 1956, p. 450). О регулярном же использовании иснадов, очевидно, не приходится говорить до конца II/начала IX в. Подтверждением этой мысли могут служить наблюдения и средневековых, и современных ученых, неоднократно отмечавших, что иснадное сопровождение многих хадисов даже таких авторитетов раннего периода, как Ибн Шихаб аз-Зухри (ум. в 124/742 г.), Ибн Исхак (ум. в 150/767 г.) и Малик ибн Анас (ум. в 179/795 г.), не отвечает или не в полной мере отвечает всем строгим критериям более поздней, науки о хадисах¹⁹.

Не менее важным, чем вопрос о начале регулярного использования иснада, является вопрос о времени утверждения на практике *полного* иснада, т.е. иснада, характеризующегося наличием полной цепи передатчиков от конечного, позднего, до первого, раннего, звена — источника информации.

Рассмотрим подробнее различные аспекты иснадного сопровождения хадисов в ранний период на материале «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака и «ал-Муватта'» Малика ибн Анаса.

Применительно к первому труду ограничимся кратким изложением выводов, сформулированных в работе Дж. Робсона, в которой он детально исследовал иснады в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака.

Ибн Исхак не всегда снабжает хадисы иснадами. Во многих случаях он просто заменяет иснад формулой: «балага-ни» (букв. «дошло до меня») и т.п. Зачастую вместо иснадной ссылки источники информации указываются выражением: «...фи-майаз'амуна ва-Ллаху а'ламу...» (букв. «...как они утверждают, а Аллах лучше знает...») и т.п. (Robson, 1956, p. 454–457).

В тех же случаях, когда автор «Сирь» снабжает хадисы иснадами, он использует иснады разных типов. Он может удовлетвориться цитированием имени непосредственного носителя информации, иногда может добавить к нему одно-два звена. Многократно встречается в «Сире» и восходящий к предшественникам Ибн Исхака тип полного иснада. И все же последний был только одним из типов иснада, применявшихся в его труде. Дж. Робсон особо подчеркивает, что полный иснад не был обязательным в эпоху Ибн Исхака. Тем более нельзя утверждать, что в первой половине II/первой половине VIII в. использовались только полные иснады (Robson, 1956, p. 462–463).

Второй труд потребует более детального рассмотрения ввиду недостаточной изученности иснадного сопровождения в «ал-Муватта'» Малика ибн Анаса.

Основатель-эпоним одной из четырех основных богословско-правовых школ в исламе Малик ибн Анас вошел в историю арабо-мусульманской культуры и как правовед (*факих*), и как специалист по собиранию хадисов (*мухаддис*), а его главный труд, «ал-Муватта'», на равных основаниях рассматривается учеными и как авторитетная книга по мусульманскому праву (*фикх*), и как авторитетный сборник хадисов (Baker, Edge, 1990, p. 143)²⁰.

¹⁸ Подробнее см.: Horowitz, 1918, S. 39–47; Robson, 1956, p. 449–465; Sezgin, 1967–1984, Bd. I, S. 53–83; Humphreys, 1991, p. 82.

¹⁹ Отмечается, в частности, что труды перечисленных ученых содержат значительное число хадисов без иснадов, с прерванными иснадами и т.п. (подробнее см: Rauf, 1983, p. 273, 275; Baker, Edge, 1990, p. 143; Abbott, 1983, p. 297; Шараф, 1988, с. 13).

²⁰ Заметим здесь же, что, как и И. Шахт (Schacht, 2003), авторы «Кембриджской истории арабской литературы», помимо всего прочего, склонны считать труд Малика и «самой ранней дошедшей до нас подлинной исламской книгой по юриспруденции», поскольку формально более ранний компендиум по му-

Обследование иснадов в труде Малика ибн Анаса мы будем проводить, опираясь на одну из двух дошедших до нас версий «ал-Муватта'» — версию Йахьи ибн Йахьи ал-Масмуди (ум. в 234/848–9 г.)²¹.

В иснадах «ал-Муватта'» Малика ибн Анаса привлекают внимание многочисленные (более 150) обрывы цепи передатчиков сообщения. Чаще всего они обозначаются при помощи технического выражения «...анна-ху балага-ху анна...» (букв. «...что до него дошло, что...»). Отмечаются также вариации этого выражения и иные, близкие по смыслу, выражения: «...балага-ни анна...» (букв. «...дошло до меня, что...»); «...анна-ху сами'а анна...» (букв. «...что он услышал, что...») и др. (Малик ибн Анас, 1988, т. 1, с. 36, 42, 45, 48, 49, 55, 56 и др.; т. 2, с. 30, 34, 46, 52 и др.)²².

Приведем пример. «Ва-хаддаса-ни 'ан Маликин анна-ху балага-ху анна Расула 'Ллахи кала...» (букв. «И он рассказал мне от Малика, что до него дошло, что Посланник Аллаха сказал...») (Малик ибн Анас, 1988, т. 1, с. 42). В данном иснаде цепь передатчиков обрывается на самом Малике ибн Анасе, которому сообщение о Мухаммаде стало известно от неназванных информаторов.

Число таких иснадов в «ал-Муватта'» превышает 150. Зачастую они сопровождают сообщения о поступках и высказываниях самых значительных лиц в истории исламской культуры и даже сообщения о Лукмане, легендарном древнем мудреце, упоминаемом в Коране (Малик ибн Анас, 1988, т. 2, с. 283, 289) и 'Исе, сыне Марьям (Малик ибн Анас, 1988, т. 2, с. 254, 281). И если задача установления полного иснада в двух последних случаях едва ли могла рассматриваться Маликом, то применительно к Мухаммаду, «праведным халифам» и прочим выдающимся деятелям раннего ислама она была вполне выполнима²³.

Помимо обрывов цепей иснадов, в ходе перечисления информаторов в самих цепях Малик ибн Анас часто (несколько десятков раз) вместо именного дает анонимное обозначение звена. Делается это при помощи нескольких технических выражений и терминов с разными вариациями и иногда при их соединении: «...'ани-с-сикати 'инда-ху 'ан...» (букв.: «от лица, заслуживающего доверия у него, от...»); «...анна-ху сами'а ахла-л-'илми йакулуна...» (букв. «...что он услышал, как ученые люди говорили...»); «...анна-ху балага-ху 'ан ахли-л-'илми анна-хум...» (букв.: «...что дошло до него от ученых людей, что они...»); «...анна-ху сами'а ман йасику би-хи мин ахли-л-'илми йакулу...» (букв. «...что он услышал, как тот, кому из ученых людей он доверяет, говорил...») и т.п. (Малик ибн Анас, 1988, т. 1, с. 106, 149, 178, 214, 225 и др.; т. 2, с. 9, 196, 214, 217, 269, 277)²⁴.

И, наконец, Малик ибн Анас использует (хотя и редко) для обозначения анонимов в иснадных цепях своего труда и прочие выражения: «...'ан гайри вахидин мим-ман

сульманскому праву «Маджму' ал-фикх» (Corpus juris), приписываемый Зайду ибн 'Али (ум. в 122/740 г.), вероятно, сохранился не в своей оригинальной редакции (см.: Baker, Edge, 1990, p. 141–143).

²¹ Труд «Китаб ал-Муватта'», многократно перерабатывавшийся Маликом ибн Анасом на протяжении более 40 лет, существовал в 15 версиях его учеников. До нас дошли две из них: версии Мухаммада ибн ал-Хасана аш-Шайбани (ум. в 189/804 г.) и Йахьи ибн Йахьи (ум. в 234/848–9 г.). Более популярна последняя (подробнее см.: Rauf, 1983, p. 272).

²² Здесь важно отметить, что в труде Малика более 20 раз встречается другое техническое выражение с глаголом «балага»: «...анна-ху балага-ху 'ан...» (букв. «...что до него дошло от...») (Малик ибн Анас, 1988, т. 1, с. 105, 107, 123 и др.; т. 2, с. 23, 24, 100 и др.), которое не обрывает цепь передатчиков, а, напротив, продолжает «эстафетный» иснад.

²³ Нередко дело идет об иснадах очень известных хадисов. Позднее недостающие звенья во многих из них были восстановлены средневековыми учеными (см.: Rauf, 1983, p. 272).

²⁴ Ибн Аби Хатим ар-Рази (ум. в 327/939 г.) подразделяет передатчиков хадисов на 4 класса. «Сика» (букв. «заслуживающий доверия») в его классификации — самый авторитетный, наивысший тип (подробнее см.: Robson, 1965, p. 462a).

йасику би-хи анна...» (букв.: «...от не одного из тех, кому он доверяет, что...»); «...ахбара-ни мухбир...» (букв.: «...сообщил мне сообщающий...») (Малик ибн Анас, 1988, т. 1, с. 28, 154; т. 2, с. 156).

Не вдаваясь в долгое подведение итогов нашего краткого обследования документации хадисов у Ибн Исхака и Малика ибн Анаса, мы констатируем, что они считали возможным во многих случаях не снабжать хадисы иснадами. В тех же случаях, когда Ибн Исхак и Малик ибн Анас сопровождают хадисы иснадами, они используют иснады разных типов.

В ранний период еще не были кодифицированы нормы функционирования иснада, и по этой объективной причине они просто не могли соблюдаться составителями трудов в полном объеме. Вероятно, только к концу II/началу IX в. арабо-мусульманские авторы осознали важность иснадов с полной цепью авторитетов (Robson. *The Encyclopaedia of Islam* (EI²). WebCD Edition, 2003. Vol. III. P. 23b); тип полного иснада никогда не был единственным в их трудах²⁵. Главные положения науки о хадисах, регламентирующие правила составления иснадов, не были полностью сформулированы до конца IV/X в., т.е. того времени, когда основные компиляции хадисов и исторических хабаров уже давно были составлены²⁶.

Как уже говорилось, исторические, биографические и прочие нарративные хадисы потенциально являлись базой для составления связного рассказа о жизни и деятельности Пророка ислама. Соединению содержательных частей хадисов (*матнов*) в связный рассказ объективно мешали сопровождавшие их перечни передатчиков предания (*иснады*): при соединении хадисов в единое целое связный рассказ то и дело прерывался бы значительными по объему иснадами, не несущими сюжетной нагрузки. Положение усугублялось и еще одним немаловажным обстоятельством. Несмотря на то, что матн представляет собой главный элемент хадиса, а иснад — как бы вспомогательный, служебный, на практике получалось так, что по объему иснад часто превосходил матн²⁷.

Средневековая традиция предоставила в распоряжение составителей трудов несколько способов устранения этого препятствия. Один из них, по-видимому, довольно ранний — так называемый коллективный иснад, суть которого вкратце состоит в том, что иснады отдельных хадисов сводятся в один общий иснад, а их матны соединяются в «сводный» матн. История коллективного иснада в самом общем виде совпадает с историей формирования жанра *сиры/магази*²⁸. Ключевые фигуры здесь — упоминавшиеся ранее аз-Зухри (ум. в 124/742 г.) и более поздние авторы Муса ибн ‘Укба (после 55–141/после 675–758), Ибн Исхак (ум. в 150/767 г.) и ал-Вакиди (ум. в

²⁵ Подытоживая наблюдения над иснадом у аз-Зухри (ум. в 124/742 г.), Мусы ибн ‘Укбы (после 55–141/675–758), Ибн Исхака (ум. в 150/767 г.) и ал-Вакиди (ум. в 207/822 г.), М. Джонс приходит к выводу, что его использование как инструмента представления сообщений в их сочинениях было скорее исключением (Jones, 1983, p. 347–349).

²⁶ Подробнее см.: Robson, 1971, p. 23b–28a; Robson, 1965, p. 462a; Sezgin, 1967, Bd. I, S. 53–83; Humphreys, 1991, p. 81–82.

²⁷ Подробнее см.: Халидов, 1985, с. 99–100. Так, к примеру, один из передаваемых автором VI/XII в. ас-Сам‘ани хадисов содержит более 10 звеньев иснада, а матн укладывается в несколько строк (Халидов, 1985, с. 99–100).

²⁸ В англоязычной арабистике такой «сборный» матн и сопровождающий его составной иснад именуется по-разному. Сообщения «сводного» отчета в целом могут обозначаться словосочетаниями “combined reports” («объединенные сообщения») (Leder, 2002, p. 102b); “a unified narrative of events” («сводное повествование о событиях»), “a ‘collective tradition’” («коллективная традиция», «коллективное предание») (Ta’rīkh, 2000, p. 272b) и др. Иснад при таких сообщениях обыкновенно получает наименование “collective” («коллективный») (см.: Jones, 1983, p. 347–348).

207/822 г.). В труде последнего коллективный иснад, согласно М. Джонсу, и был «функционально формализован» (Horowitz, 1928, p. 52; Jones, 1983, p. 347).

Данная тема заслуживает особого внимания. Рассмотрим более подробно в этом плане сочинения двух последних авторов в только что приведенном списке: «Сиру» Ибн Исхака — Ибн Хишама и «Китаб ал-магази» ал-Вакиди.

Рассказу о битве при Бадре в «Жизнеописании Пророка» предшествует перечисление авторитетных деятелей, хадисоведов, законовевдов и анонимных лиц, отдельные сообщения которых стали основой для сводного отчета о сражении мединцев с мекканцами: «Ибн Исхак сказал: „Рассказали мне Мухаммад ибн Муслим аз-Зухри [ум. 124/742], и ‘Асим ибн ‘Умар ибн Катада [ум. ок. 120/738], и ‘Абдаллах ибн аби Бакр [ибн Хазм ал-Ансари] [ум. 130/748 или 135/753], и Йазид ибн Руман [ум. 130/747] от ‘Урвы ибн аз-Зубайра [ал-Кураши] [ум. 93/711–12 или 94/712–13] и других ученых, от [‘Абдаллаха] ибн ‘Аббаса [ум. в 68/688 или 70/689]...“» (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 427–428)²⁹.

Из приведенного текста явствует, что иснад к повествованию о битве при Бадре складывается из двух частей. В приводимой ниже формуле 4 звена первой части (С, D, E, F) соединяются одно с другим при помощи союза «ва» («и») (+), во второй — два звена (А, В) соединяются при помощи предлога «‘ан» («от») (⇒). Для второй части эти же 4 звена выступают как целое, составляя вместе первое, позднее, звено эстафетного иснада, завершающегося в соответствии с обратной хронологией последним, ранним, звеном. Формула этого коллективного иснада:

$$[C+D+E+F] \Rightarrow [B+n] \Rightarrow A \rightarrow \Sigma,$$

где (n) означает — «другие ученые», а (Σ) — некая сумма единичных сообщений по определенному кругу вопросов, восходящая к последнему, раннему, носителю информации. Принципиальное отличие «эстафетного иснада» в рамках коллективного иснада состоит в том, что он приводит к сводному отчету, определенному множеству сообщений (Σ), а не к единичному передаваемому сообщению (Δ).

Таким образом, перечисление носителей информации перед повествованием о битве при Бадре соединяет в себе черты двух видов иснада — суммирующего и эстафетного. Суммирование, разумеется, является определяющим моментом для коллективного иснада, поскольку последний и есть не что иное, как фиксирование основополагающего для сводного отчета принципа соединения вместе отдельных сообщений.

Аналогично рассказу о битве при Бадре коллективный иснад вводится в «Сире» еще по меньшей мере семь раз в повествованиях о «ночном путешествии и вознесении» («ал-исра’ ва-л-ми‘радж») Мухаммада на небеса, о битвах при Ухуде и «У рва», о походах на Зу-Карад, на бану ал-мусталик, Табук, при изложении обстоятельств дела о клевете на ‘А’ишу (два разных коллективных иснада к одному сводному отчету) (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 263, 555, 669, 719, 725, 731, 893–894; Сира, 1936, т. 1, с. 396; т. 3, с. 60, 214, 281, 290; т. 4, с. 516; т. 3, с. 297).

Сводные отчеты составлены Ибн Исхаком на основе обобщения до 8 поименованных и — в большинстве случаев — неопределенного числа анонимных информаторов, соединенных с помощью союза «ва» («и») в суммирующем иснаде. В трех случаях из восьми сводные отчеты предваряются сложными коллективными иснадами, сочетающими в себе, как было показано выше, черты суммирующих и «эстафетных иснадов».

Рассмотрим теперь сводные отчеты и коллективные иснады в труде ал-Вакиди. Сразу же отметим, что их число в «Китаб ал-магази» (более 30) существенно выше, чем в «Сире», притом что размеры двух памятников сопоставимы.

«Китаб ал-магази» начинается с двухчастного коллективного иснада (Вакиди, 1984, с. 1–2)³⁰. Первая его часть представляет собой иснад-эстафету от первого (позднего) звена до последнего (раннего): 1. Абу Мухаммад ал-Хасан ибн ‘Али ибн Мухаммад ал-Джавхари (ум. в 454/1062 г.); 2. Абу ‘Умар Мухаммад ибн ал-‘Аббас ибн Мухаммад ибн Закарийа ибн Хаййавайх (ум. в 382/992 г.); 3. Абу-л-Касим ‘Абд ал-Вахаб ибн аби Хаййа (ум. в 319/931 г.); 4. Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Шуджа‘ ас-Салджи (ум. в 266/879–80 г.); 5. Мухаммад ибн ‘Умар ал-Вакиди (ум. в 207/822 г.). Далее ал-Вакиди становится исходной точкой перечня-иснада из 24 поименованных информаторов, соединяемых союзом «ва» («и») и образующих, таким образом, суммирующий компонент коллективного иснада³¹.

Расположенный в самом начале, данный коллективный иснад выделяется как количеством перечисляемых в нем имен, так и объемом и разнообразием тем отнесенного к нему текста сочинения. Самый значительный из вводимых им рассказов — отчет о битве при Бадре.

Перейдем к другим коллективным иснадам в «Китаб ал-магази». Большая их часть предваряет отчеты о различных военных действиях: битвы при Ухуде, «У рва», при Хунайне, завоевание Хайбара; походы против племени гатафан в Зу-Амарр, бану асад в Катане, второй поход на Бадр «для обещанной вооруженной встречи с мекканцами» (Бадр ал-мав‘ид), в Зат ар-Рика‘, на Думат ал-Джандал, к ал-Мурайси‘, против бану курайза, на ал-Курта‘, на бану лихйан, на ал-Габа, в Зу-л-Касса, на Зат ас-Саласил, в район побережья Красного моря, на Мекку («газват ал-фатх»), на ат-Та‘иф, под водительством ‘Алкамы ибн Муджаззиза, на Табук, против Укайдира ибн ‘Абд ал-Малика (Вакиди, 1984, с. 193–194, 199, 340, 384, 395, 402, 404, 441, 518, 534, 535, 538, 552, 633, 769–770, 774, 780–781, 885, 922, 983, 989, 1025). Отметим и другие коллективные иснады к рассказам об убийстве поэта Ка‘ба ибн ал-Ашрафа, о событиях в Би‘р Ма‘уне и ар-Раджи‘, об обстоятельствах заключения договора в ал-Худайбийе, изгнания бану надир из Медины и дела о клевете на ‘А‘ишу, к повествованиям о «Предрешенном малом паломничестве» («‘умра ал-кадиййа») и «Прощальном хадже» (Вакиди, 1984, с. 184, 346, 354, 363, 435, 571–572, 731, 1088).

Многие сводные отчеты составлены ал-Вакиди на основе сообщений до 20 и более (26 в отчете о завоевании Хайбара) поименованных и — во многих случаях — неопределенного числа анонимных информаторов, соединенных с помощью союза «ва» («и») в суммирующем иснаде. В 19 случаях из 31 сводные отчеты предваряются сложными коллективными иснадами, сочетающими в себе признаки суммирующих и «эстафетных» иснадов³².

Сложные коллективные иснады в труде ал-Вакиди насчитывают от 1 до 5 «эстафет». Так, например, сводный отчет об убийстве поэта Ка‘ба ибн ал-Ашрафа, высмеивавшего Мухаммада и его сподвижников, составлен ал-Вакиди из сообщений, полученных по трем цепочкам иснадов-эстафет, внутри которых звенья соединяются предложением «‘ан» («от»), а между собой — союзом «ва» («и») (Вакиди, 1984, с. 184). Формула его выглядит так:

³⁰ Арабский текст напечатан в 3-х томах со сплошной пагинацией; ввиду этого ссылки на него даются без указания тома.

³¹ Здесь же отметим, что сводные отчеты в труде иногда вводятся не только от имени ал-Вакиди, но и от предшествующих ему в изначальном иснаде-эстафете звеньев — например, от 1. Ибн Шуджа‘ ас-Салджи (см., в частности, сводные отчеты: Вакиди, 1984, с. 199, 885) и от 2. Ибн аби Хаййа (см., в частности, сводный отчет: Вакиди, 1984, с. 989).

³² Многие иснады-эстафеты в сложных коллективных иснадах «Китаб ал-магази» насчитывают 2–3 звена и представляют собой как бы мини-эстафеты.

$$[B \Rightarrow A] + [E \Rightarrow D \Rightarrow C] + [H \Rightarrow G \Rightarrow F] \rightarrow \Sigma$$

Отчет о походе в Зат ар-Рика' составлен ал-Вакиди из сообщений, полученных в результате сложного сплетения 5 цепочек иснадов-эстафет, часть из которых распадается на более мелкие соединения, с добавлением сообщений от неопределенного числа анонимных информаторов (Вакиди, 1984, с. 395).

Теперь мы можем более подробно рассмотреть случаи использования коллективных иснадов в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака и «Китаб ал-магази» ал-Вакиди.

Коллективный иснад покоится на двух основаниях, о которых эксплицитно говорится в обоих трудах: 1) упоминаемые в нем носители информации обладают только отдельными долями информации, заключенной в сводном отчете; 2) сводный отчет в своей целокупности есть результат соединения вместе упомянутых долей информации.

Начнем с рассмотрения высказываний Ибн Исхака и ал-Вакиди, касающихся первого из этих оснований.

Сира	Китаб ал-магази
«...куллу-хум кад хаддаса ба'да-л-хадиси...» (букв.: «...каждый из них /упомянутых в коллективном иснаде носителей информации. — А.К./ рассказал часть рассказа...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 555; Сира, 1936, т. 3, с. 60) ³³ .	«...куллун кад хаддаса-ни би-та'ифатин мин хаза-л-хадиси...» (букв.: «...каждый /из упомянутых в коллективном иснаде носителей информации. — А.К./ рассказал мне часть из этого рассказа...») (Вакиди, 1984, с. 199) ³⁴ .

Перечисление поименованных носителей информации часто дополняется ссылкой на анонимных лиц, к которым Ибн Исхак и ал-Вакиди также возводят приводимые ими детали рассказов.

Сира	Китаб ал-магази
1. «...ва-гайри-хим мин ахли-л-'илми...» (букв.: «...и другие из людей науки...»); «...ва-гайру-хум мин 'улама'и-на...» (букв.: «...и другие из наших ученых...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 263, 427–428, 555, 669, 893–894; Сира, 1936, т. 1, с. 396; т. 2, с. 606; т. 3, с. 60, 214; т. 4, с. 516); 2. «...ва-ман ла аттахиму...» (букв.: «...тот (те), кого я не подозреваю...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 669, 719; Сира, 1936, т. 3, с. 214, 281) ³⁵ .	1. «...ва-гайру-хум кад хаддаса-ни ай-дан...» (букв.: «...и другие рассказали мне также...»); «...ва-гайру ха'ула'и-л-мусаммина...» (букв.: «...и другие, помимо названных...») (Вакиди, 1984, с. 2) ³⁶ ; 2. «...ва гайру ха'ула'и-л-мусаммина кад хаддаса-ни ахлу-с-сикати...» (букв.: «...и другие, помимо этих названных, мне рассказали — люди, достойные доверия...») (Вакиди, 1984, с. 572) ³⁷ .

³³ Аналогичные и близкие к этой формулировки см.: Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 263, 427–428, 555, 719, 725, 731; Сира, 1936, т. 1, с. 396; т. 2, с. 606; т. 3, с. 60, 281, 290, 297.

³⁴ Аналогичные и близкие к этой формулировки см.: Вакиди, 1984, с. 2, 184, 346, 384, 404, 435, 441, 518, 538, 572, 633, 731, 770, 885, 922, 989, 1025, 1088. «Часть», «долю» рассказа ал-Вакиди обычно обозначает словом «та'ифатун», реже — его синонимом «ба'дун»: «...куллун кад хаддаса-ни би-ба'ди-л-хадиси...» (букв.: «...каждый рассказал мне часть рассказа...») (Вакиди, 1984, с. 354, 363).

³⁵ Данное выражение здесь определено означает: тот (те), правдивость кого я не ставлю под сомнение.

³⁶ Аналогичные и близкие формулировки см.: Вакиди, 1984, с. 2, 194, 346, 354, 363, 384, 395, 538, 572, 633, 731, 770, 1088.

³⁷ Аналогичные и близкие формулировки см.: Вакиди, 1984, с. 885, 922, 989.

Перейдем теперь к высказываниям, касающимся второго основания коллективного иснада: сводный отчет есть сумма долей, частей содержания, восходящих к отдельным носителям информации.

Для обозначения действия компилятора, составлявшего сводный рассказ, регулярно используются выражения с глаголами *джама'а*, *иджтама'* (в значении: «собирать», «соединять» и т.п.) (Ибн Исхак, Ибн Хишам и ал-Вакиди) и *катаба кулла-ма* (в значении: «записать всё, что») (ал-Вакиди).

Сира	Китаб ал-магази
<p>«...куллу-хум кад хаддаса ба'да-л-хадиси... ва кад-джтуми'а куллу-ху фи-ма сукту мин хаза-л-хадиси...» (букв.: «...каждый из них рассказал часть рассказа... и все они /части/ были собраны воедино в том, что я изложил в данном рассказе...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 555; Сира, 1936, т. 3, с. 60)³⁸.</p>	<p>1. «...куллун кад хаддаса-ни би-та'ифатин мин хаза-л-хадиси... ва-кад джама'ту кулла-л-лази хаддасу-ни» (букв.: «...каждый рассказал мне часть из этого рассказа... и я собрал воедино всё то, что они рассказали мне») (Вакиди, 1984, с. 199)³⁹; 2. «...куллун кад хаддаса-ни мин хаза-л-хадиси би-та'ифатин... фа-катабту кулла-ма хаддасу-ни...» (букв.: «...каждый рассказал мне из этого часть... я же записал всё, что они рассказали мне...») (Вакиди, 1984, с. 441)⁴⁰.</p>

Составители «Сирь» и «Китаб ал-магази» в коллективных иснадах часто делают дополнительные замечания об отдельных носителях информации.

Сира	Китаб ал-магази
<p>1. «...ва-ба'ду-хум йухаддису ма ла йухаддису би-хи ба'дун...» (букв.: «...и одни из них рассказывали то, о чем не рассказывали другие...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 669; Сира, 1936, т. 3, с. 214)⁴¹; 2. «...ва ба'ду-л-кавми кана ав'а ла-ху мин ба'дин...» (букв.: «...и некоторые люди были в нем /рассказе/ памятьливее других...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 731; Сира, 1936, т. 3, с. 297).</p>	<p>1. «...фа-зада ба'ду-хум 'ала ба'дин фи-л-хадиси...» (букв.: «...и одни из них дополняли других в рассказе...») (Вакиди, 1984, с. 194)⁴²; 2. «...ва-ба'ду-л-кавми кана ав'а ла-ху мин ба'дин...» (букв.: «...и некоторые люди были в нем /рассказе/ памятьливее других...») (Вакиди, 1984, с. 199)⁴³; 3. «...куллун кад хаддаса-ни мин хаза-л-хадиси би-та'ифатин ва-'имаду-ху хадису Ибн аби Хабиба» (букв.: «...каждый рассказал мне из этого рассказа часть, а стержень его — рассказ Ибн аби Хабибы») (Вакиди, 1984, с. 1025)⁴⁴.</p>

³⁸ Аналогичные и близкие формулировки см.: Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 263, 427–428, 669, 731; Сира, 1936, т. 1, с. 396; т. 2, с. 606; т. 3, с. 214, 297.

³⁹ Аналогичные и близкие формулировки см.: Вакиди, 1984, с. 184, 346, 354, 363, 770, 885.

⁴⁰ Аналогичные и близкие формулировки см.: Вакиди, 1984, с. 2, 572, 633, 731, 781, 922, 989.

⁴¹ Аналогичные и близкие формулировки см.: Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 731, 893–894; Сира, 1936, т. 3, с. 297; т. 4, с. 516.

⁴² Аналогичные и близкие формулировки не в коллективных иснадах см.: Вакиди, 1984, с. 395, 402–403, 534, 535, 552, 761, 774, 983.

⁴³ Аналогичные и близкие формулировки см.: Вакиди, 1984, с. 346, 354, 441, 572, 633, 770, 781, 885, 989, 1088.

⁴⁴ Аналогичные и близкие формулировки не в коллективных иснадах см.: Вакиди, 1984, с. 340, 435.

Из приведенных комментариев явствует, что составители «Сиры» и «Китаб ал-магази» брали не отдельные готовые сообщения (*матны*) с установленным традицией иснадом, а лично составляли коллективные иснады из имен отдельных носителей информации и лично же «собирали» сводные отчеты о событиях из отдельных сообщений перечисленных ими носителей информации.

«Сбор» сводных отчетов не был делом механическим. Задача составителей заключалась в том, чтобы включаемые ими в сводный рассказ сообщения не дублировались, а при наличии двух и более сходных сообщений из них отбирались наиболее полные, принадлежащие самым ценным и самым «памятливым» хранителям информации. Поэтому повторяющиеся в «Сире» и «Китаб ал-магази» фразы: «...одни из них рассказывали то, о чем не рассказывали другие...», «...и одни из них дополняли других в рассказе...» и т.п. — свидетельствуют о том, что отбор лучших сообщений, устранение их дублирования, дополнение одних сообщений за счет других могли происходить лишь при сознательной селекции сообщений, при активном личном вмешательстве сочинителей. В этом плане позиция ал-Вакиди, определяющего в ряде случаев, сообщение кого из носителей информации является «стержнем» рассказа, представляется нам весьма показательной.

В дополнение к вышесказанному относительно коллективных иснадов приведем наблюдения над комментариями к единичным иснадам у ал-Вакиди. Многие из них свидетельствуют, на наш взгляд, об избирательном отношении к информации и целенаправленном стремлении выделить в ней главное, отобрать, организовать и оценить в иснадных ремарках важнейшие источники регистрируемых сообщений.

Так, выражения: 1) «...и одни из них дополняли других в рассказе...» (Вакиди, 1984, с. 395, 402–403, 534, 535, 552, 761, 774, 983) и 2) «стержень рассказа» — встречаются у ал-Вакиди не только в коллективных иснадах (Вакиди, 1984, с. 340, 435). Кроме этого, по всему тексту «Китаб ал-магази» разбросаны характерные ремарки, касающиеся версий различных единичных сообщений: «...ва-хува-л-мусаббату...» (букв.: «...и это точно...»), «...ва-с-сабиту 'инда-на...» (букв.: «...и точно, по нашему мнению...»), «...ва-л-хадису-аввалу асбату 'инда-на...» (букв.: «...и первое сообщение самое точное, по нашему мнению...») и т.п.⁴⁵

Подборку комментариев о цитируемых сообщениях завершим колоритным высказыванием автора «Китаб ал-магази», выходящим за рамки строгого научного изложения, но тем не менее отражающим его активную позицию по отношению к упоминаемым им носителям информации: «Полагаю, некоторые из них косноязыки: говорят невнятно!» (Вакиди, 1984, с. 983).

В труде Ибн Исхака — Ибн Хишама мы едва ли найдем примеры столь определенных и ярких индивидуально-авторских оценок отдельных сообщений в комментариях к единичным иснадам. Приводя различные версии одного сообщения, одного события и т.п., Ибн Исхак скорее склоняется к заключению: «Аллаху а'ламу аййу залика кана» («Аллах лучше знает, как было дело»)⁴⁶. Вместе с тем в «Сире» встречаются и более определенные авторские комментарии. Ибн Исхак дважды делает важные оговорки даже относительно слов, которые могут, по его мнению, и не при-

⁴⁵ См., например: Вакиди, 1984, с. 10, 19, 35, 58, 89, 203, 397, 407, 412, 434, 452, 459, 487, 488, 491, 517, 637, 661, 679, 684, 689, 690, 693, 720, 738, 861, 997, 1090. М. Джонс отмечает, что подобные ремарки к цитируемым сообщениям не встречаются у современных ал-Вакиди и более поздних сочинителей, например у ал-Балазури (ум. в 279/892 г.) (см.: *Джонс М.* Предисловие /араб./ — Вакиди, 1984, с. 34 /первая пагинация/). Соглашаясь в целом с данной оценкой М. Джонса, тем не менее уточним, что многие комментарии Ибн Хишама в «Сире» близки по духу замечаниям ал-Вакиди.

⁴⁶ См., например: *Das Leben Muhammed's*, 1858–1860. Bd. I. S. 24, 106, 197, 229, 300, 335, 348, 418, 742, 946 и др.

надлежать Пророку, но переданы были как сказанные им (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 340, 344). Сходная авторская интонация слышна и в следующем замечании относительно одного из хадисов в «Сире»: «Ибн Исхак сказал: „Аллах лучше знает, говорил это или нет Посланник Аллаха, да благословит его Allah и приветствует. Но если Он так сказал, то это правда“» (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 197)⁴⁷.

Однако подобного рода замечания вовсе не означают, что Ибн Исхак и Ибн Хишам менее ал-Вакиди учитывали различия в информационной ценности приводимых ими сообщений. Подборка соответствующих цитат из «Сирь» показывает, что и Ибн Исхак (а позднее отчасти и Ибн Хишам) активно занимался селекцией сообщений, которые он включал не только в сводные отчеты, предварявшие коллективными иснадами.

Впрочем, индивидуально-авторское начало не ограничивалось разнообразными аспектами селекции сообщений при их включении в сводные отчеты в «Сире» и «Китаб ал-магази». Важным его проявлением было и филологическое, историко-культурное и др. комментирование самих текстов цитируемых сообщений. Здесь мы не будем специально освещать этот вопрос, а ограничимся замечанием, что в «Сире» сопровождение нарративного текста такого рода комментариями и примечаниями осуществляется достаточно часто, в «Китаб ал-магази» же авторских комментариев сравнительно немного. Так, например, в привлекающемся нами для сравнения отрывке «Китаб ал-магази» с описанием битвы при Бадре число таких комментариев и примечаний ал-Вакиди не достигает и 20. Самое же разительное расхождение двух памятников наблюдается в количестве комментариев к поэтическим отрывкам. Объясняется оно существенным различием в стихотворных цитированиях: Ибн Исхак и Ибн Хишам во многом следуют традиции составления прозапоэтических памятников, тогда как ал-Вакиди, с его приверженностью фактам и документальной точности, привлекает поэтические тексты только в той мере, которая определяется интересами историографической наррации⁴⁸.

Ибн Исхак и ал-Вакиди вполне осознанно использовали коллективные иснады и сводные отчеты в своих трудах. Средневековый источник сохранил для нас ценное свидетельство, характеризующее отношение представителей мединского хадисоведения к данному нововведению в трудах ранних арабских биографов Пророка ислама. Согласно имеющемуся в нашем распоряжении сообщению, основатель-эпоним ханбалитского толка в юриспруденции Ахмад ибн Ханбал (164–241/780–855), объясняя отрицательное отношение к ал-Вакиди, сказал своему ученику, известному ученому-мухаддису Ибрахиму ал-Харби (198–285/811–898): «Я порицаю его за то, что он собирает воедино иснады и приводит матн как одно целое». Тогда ал-Харби ответил: «Это не недостаток, так поступали аз-Зухри и Ибн Исхак»⁴⁹.

Противоположное рассуждение о целесообразности использования коллективных иснадов и составления сводных рассказов о том или ином событии мы находим в знаменитой «Книге песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (284 — ок. 361/897 — ок. 972).

⁴⁷ Подробнее см.: Ибн Исхак — Ибн Хишам, 2009, с. 8.

⁴⁸ Поэтические вставки разной функциональности, занимающие почетное место в рассказе о битве при Бадре у Ибн Исхака и Ибн Хишама (в повествовательной части около 100 бейтов, в поэтической завершающей части — чуть менее 400 бейтов), в труде ал-Вакиди мало заметны: 13 цитирований общим объемом 32 бейта.

⁴⁹ Сообщение из труда Ибн Саййида ан-Нас цит. в: *Джонс М.* Предисловие /араб./ — Вакиди, 1984, с. 29.

Вот как ал-Исфахани вводит в своем труде сообщения о знаменитом полулегендарном поэте Маджнуне (Кайсе ибн ал-Мулаввахе) (I/VII в.):

«Приводя некоторые из сообщений о нем, дошедшие до меня в составе собрания достоверных сведений, я отказываюсь от ручательства за них, поскольку большинство стихов, упоминаемых в сообщениях о нем, кое-кто из равиев⁵⁰ приписывает другим, в то время как те, от чьего имени читают эти стихи, зачастую приписывают их ему. Высказав подобную оговорку, я избавлю себя от порицания как очернителя, так и выискивателя изъяснов.

Историю его любви к Лайле рассказала мне группа равиев. Записав от них неизвестные сведения, я затем собрал воедино в связном повествовании о нем (*джама'ту залика фи-сыйкакати хабари-хи*) то, что складывалось вместе и сочеталось, а при расхождении в сообщениях относил каждое из них к тому, кто его передавал» (Исфахани, 1925–1974, т. 2, с. 11).

Как мы видим, ал-Исфахани достаточно обстоятельно излагает принципы, в соответствии с которыми он составил сводный рассказ и коллективный иснад носителей информации о Маджнуне. В тексте из «Книги песен» обращает на себя внимание эксплицитно заявленный избирательный и критический подход ал-Исфахани к привлекаемым источникам, продолжающий и углубляющий соответствующую линию Ибн Исхака — Ибн Хишама⁵¹ и ал-Вакиди. Сводное повествование он пытается строить, 1) соединяя сходные сообщения, 2) выделяя сообщения, выбивающиеся из общего потока, и указывая на их происхождение, но не устраняя их из предания, и, наконец, 3) давая оценку содержанию сообщений, дошедших до него «в составе собрания достоверных сведений», которая может расходиться с оценкой, признаваемой другими учеными.

За сто лет, отделяющих Ибн Ханбала от автора «Книги песен», отношение к коллективным иснадам и сводным отчетам претерпело изменения. Ал-Исфахани, чье рассуждение приобретает особый вес в связи с тем, что он был одновременно и филологом, и специалистом по хадисам, и правоведом, говорит на данную тему без регламентирующего нажима, как о фактически узаконенной практике. Интересы связного повествования требовали от сочинителя перехода от дискретных единичных сообщений к сводному изложению сообщений по определенной теме с вынесением имен хранителей-передатчиков этих сообщений в коллективный иснад.

Позднее — относительно Ибн Исхака и ал-Вакиди — рассуждение ал-Исфахани позволяет лучше определить вектор устремлений авторов «Сирь» и «Китаб ал-магази». И большая определенность в данном случае вовсе не кажется излишней. Действительно, результаты их действий с коллективными иснадами и сводными отчетами, несмотря на полную прозрачность заявлений обоих относительно их интенций, не представляются столь уж очевидными, если оставаться в пределах их сочинений.

Так, М. Джонс, например, полагает, что применительно к «Жизнеописанию Пророка» определить метод «использования коллективного иснада, сопровождаемого некоторым числом нарративных единиц без иснада или введенных словами „Ибн Исхак сказал“», затруднительно ввиду его «несистематичности». Впрочем, использование коллективного иснада у ал-Вакиди, согласно М. Джонсу, носит более «систематический», «функционально формализованный» характер. Фраза: «Они говорили», завершающая первый коллективный иснад в «Китаб ал-магази», постоянно повторя-

⁵⁰ Равий — передатчик сообщений и стихов.

⁵¹ Напомним, что Ибн Хишам, второй из соавторов «Сирь», вполне определенно заявляет о своих принципах отбора материала для жизнеописания Пророка и на практике придерживается их (сопровождает, например, стихи ремарками об их достоверности, удаляет обценную лексику и т.д.).

ется в последующем повествовании и несомненно «отсылает назад к оригинальному коллективному иснаду». И далее в «Книге военных походов» «новые темы вводятся с коллективным иснадом, хотя перечень авторитетов может быть разным в каждом случае». Свои наблюдения над сочинением ал-Вакиди М. Джонс завершает следующим выводом: «Коллективный иснад был одним из основных средств его техники подачи материала, использовавшимся осознанно и с методологическим постоянством»⁵².

Развивая подход М. Джонса к коллективному иснаду как к одному из основных средств повествовательной техники, скажем, сообразываясь с задачами нашего исследования, еще определеннее: применение коллективных иснадов и сопряженных с ними сводных отчетов в арабских исторических произведениях существенно увеличивало возможности для создания связного текста. И действительно, если в сюжетно-композиционном плане допустимо квалифицировать иснад как обозначение границы сообщения, то тогда коллективный иснад можно интерпретировать как определенно выраженную тенденцию к стиранию граней между сообщениями внутри сводного отчета и обеспечению подхода к связному повествованию.

Выше мы привели фрагменты текстов из «Сиры» и «Китаб ал-магази», в которых авторы этих трудов характеризуют свои усилия по созданию коллективных отчетов. Попытаемся же определить, насколько внедрение коллективных иснадов и «сводных» повествований позволило Ибн Исхаку и ал-Вакиди продвинуться по пути создания связного текста в жизнеописании Пророка ислама.

Рассмотрим структурные и композиционно-стилистические особенности главы «Великая битва при Бадре» в «Сире» Ибн Исхака — Ибн Хишама. Повествование о битве многократно нарушается из-за различных факторов, приводящих к сегментированию текста. Ибн Исхаку несомненно принадлежит ведущая роль в «Жизнеописании». От его имени, в частности, ведется повествование и о битве при Бадре. Оно предваряется коллективным иснадом и анонсом о сводном отчете из сообщений поименованных в нем авторитетных передатчиков. Практически это должно было означать, что всё повествование будет вестись Ибн Исхаком, составившим сводный отчет. Однако на деле рассказ Ибн Исхака дробится на сегменты. При этом обращает на себя особое внимание тот факт, что значительное число сегментов маркируется фразой «кала Ибн Исхак» («Ибн Исхак сказал»). Подобная маркировка текста современному наблюдателю может показаться избыточной, поскольку описание битвы при Бадре собственно и было декларировано как повествование Ибн Исхака.

Квалифицируя аналогичные маркеры в средневековых арабских трудах как «разделители повествовательного текста», А.Б. Халидов пишет об их назначении следующее: «Для каждой отрасли знания характерен свой набор терминов для обозначения структурных единиц сочинений и способов отмечать границы небольших отрезков текста... В полемических сочинениях и в комментариях к теоретическим трудам отрезки текста вводятся словами *қала* — «он сказал» и *ақўлу* — „я утверждаю, скажу“»⁵³. В «Сире» роль «разделителя повествовательного текста» чаще всего как раз и выполняет фраза: «кала Ибн Исхак». Вместе с тем представляется полезным при определении назначения данного маркера в «Сире» различать *техническую* и *нарративную* функции. Соответственно и сегменты текста «Сиры», помеченные словами «кала Ибн Исхак», можно разделить на две группы.

В первой, большей по численности, группе сегментов проявляется техническая функция авторского маркера. Здесь формула «кала Ибн Исхак» («Ибн Исхак сказал»)

⁵² Подробнее см.: Jones, 1983, p. 347–349.

⁵³ Подробнее см.: Халидов, 1985, с. 145, 167–168.

может, например, появиться при завершении прямой речи, диалога и т.п. в том или ином эпизоде сводного отчета Ибн Исхака. В данном случае формула отделяет текст прямой речи, диалога лиц, участвующих в эпизоде, от текста самого Ибн Исхака в рамках продолжающегося рассказа о Бадре. Нередко при помощи этой формулы Ибн Исхак вставляет прямо в текст свои комментарии и уточнения, дополнительные детали к сообщениям в сводном отчете и т.п. В трех последних частях главы «Великая битва при Бадре» — «Ниспослание суры „Добыча“», различные поименные перечисления (реестры) и «Поэзия о битве при Бадре»⁵⁴ — формула, возникающая почти исключительно в такой технической функции, встречается более 100 раз. И это неслучайно, поскольку на этих же страницах пассажи от иных авторов (чаще других — от Ибн Хишама), с которыми перемежаются сегменты текста от Ибн Исхака, мы находим особенно часто.

Дробление на сегменты трех вышеуказанных частей главы обусловлено их содержанием, а их авторская маркировка всего лишь формально отражает специфику этого содержания. В первой части главы, где ведется повествование собственно о битве при Бадре (*Das Leben Muhammed's*, 1858–1860. Bd. I. S. 432–475; Сира, 1936, т. 2, с. 606–664), имя Ибн Исхака используется в технической функции существенно реже (чуть более 30 раз). Однако здесь сама техническая функция часто приобретает иной характер, а в некоторых случаях становится весьма близкой к нарративной, сюжетной.

Перейдем ко второй группе. Помимо технических разрывов при фактически формальном маркировании отрезков текста, мы находим в главе о Бадре значительное число маркированных сегментов, несущих сюжетную нагрузку и нарушающих связность основного повествования.

Сводный отчет Ибн Исхака строится на сообщениях не только перечисленных им в коллективном иснаде авторитетов. Ибн Исхак многократно приводит в этой главе единичные сообщения с существенными для понимания обстоятельств битвы при Бадре данными, значительные по объему вставные рассказы и эпизоды⁵⁵. Новые иснады при этих нарративных сегментах частично могут содержать как авторитетные (из коллективного иснада), так нередко и малоизвестные имена, в иных же случаях — и вообще — отсылают к анонимным источникам. Сообщения с иснадами, частично или полностью выходящими за пределы начального коллективного иснада, инкорпорируются как некое дополнение к основному рассказу о битве при Бадре. Возобновление магистрального авторского повествования каждый раз маркируется фразой: «Ибн Исхак сказал».

Сформулируем предварительный итог нашим наблюдениям по второй группе. Во-первых, с одной стороны, некоторые из имен коллективного иснада неоднократно повторно упоминаются в иснадах единичных сообщений, включенных в сводный отчет. Во-вторых, с другой стороны, коллективный иснад указывает не всех передатчиков информации, имена и сообщения которых фигурируют в рассказе о битве при Бадре. В-третьих, сводный отчет, вопреки заверению Ибн Исхака, складывается не только из сообщений лиц, упомянутых в коллективном иснаде.

⁵⁴ Они занимают более половины (64 из 112 страниц) текста главы; соответственно: *Das Leben Muhammed's*, 1858–1860. Bd. I. S. 475–476; 476–485; 485–515; 516–539; Сира, 1936, т. 2, с. 664–666; 666–677; 677–715, т. 3, с. 3–8; 8–43.

⁵⁵ По нашим ориентировочным подсчетам, число таких нарративных сегментов, сопровождаемых формулой: «кала Ибн Исхак» или редко — «кала» («он /Ибн Исхак. — А.К./ сказал»), приближается к 60, с существенным их преобладанием в основном повествовании о битве (*Das Leben Muhammed's*, 1858–1860. Bd. I. S. 432–475; Сира, 1936, т. 2, с. 606–664).

Проведем теперь аналогичные наблюдения над соответствующим разделом в труде ал-Вакиди.

«Китаб ал-магази» начинается с перечня лиц, у которых ал-Вакиди получал информацию для своего труда. Перечень, включающий более 20 имен, ал-Вакиди завершает следующей ремаркой: «Куллун кад хаддаса-ни мин хаза би-та'ифатин ва-ба'ду-хум ав'а ли-хадиси-хи мин ба'дин ва-гайру-хум кад хаддаса-ни айдан факатабту кулла-л-лази хаддасу-ни» (букв.: «Каждый рассказал мне из этого часть, и некоторые из них в рассказе о нем памятьнее других, и прочие рассказывали мне также; я же записал всё то, что они рассказали мне») (Вакиди, 1984, с. 1–2). Текстуальные совпадения в комментариях к коллективным иснадам в трудах Ибн Исхака и ал-Вакиди несомненны. Однако в данном случае имеется и существенное отличие: ал-Вакиди предваряет коллективным иснадом весь труд, а не отдельный поход. Далее он не вводит коллективный иснад перед рассказом о битве при Бадре, и, таким образом, коллективный иснад в начале труда относится и к рассказу о ней⁵⁶.

И еще одно замечание, предваряющее наш обзор фрагмента труда ал-Вакиди. Оно касается непосредственно текстов, имеющих отношение к битве при Бадре. Как и в труде Ибн Исхака — Ибн Хишама, они четко делятся на две группы: рассказ собственно о событиях, так или иначе связанных с самой битвой (Вакиди, 1984, с. 19–128), и, так сказать, сопутствующие и вспомогательные тексты: интерпретация суры «Добыча», различные персональные перечни и т.п. (там же, с. 128–172). Это разделение нашло отражение, в частности, в иснадах и других особенностях, о чем будет сказано ниже.

Теперь мы можем перейти к наблюдениям над текстом «Китаб ал-магази».

Как и в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама, повествование о Бадре у ал-Вакиди многократно прерывается отсылками к начальному коллективному иснаду и единичным иснадам. В «Сире» «разделитель повествовательного текста», в роли которого чаще всего выступала фраза: «кала Ибн Исхак», выполнял две функции — *техническую* и *нарративную*. В «Китаб ал-магази» эти функции исполняются различными разделителями. Разделитель «калу» («они сказали») выполняет только одну — *техническую* — функцию, в которой можно выделить две подфункции. Первая из них — маркировка фрагментов сводного отчета, непосредственно восходящих к самим авторитетам из коллективного иснада⁵⁷. Такая маркировка чаще всего обозначает верхнюю границу фрагментов сводного отчета, нижняя граница которых отмечается единичными иснадами единичных сообщений. Вторая подфункция данного разделителя состоит в том, что в самих фрагментах сводного отчета «калу» нередко отделяет прямую речь персонажей, о которых повествуется в сводном отчете, от текста авторитетов коллективного иснада, оформляемого как прямая речь: «Они сказали...». «Калу» также вводит комментарии, уточнения и дополнительные детали к фрагментам сводного отчета о Бадре.

По нашим подсчетам, формула «калу» встречается в первой части рассматриваемого отрывка «Китаб ал-магази» около 50 раз, во второй — ни разу. Сегменты текста, вводимые при помощи разделителя «калу», могут колебаться по своим размерам от одной строки до нескольких страниц; на одной странице можно встретить и 3 отсылки к коллективному иснаду (Вакиди, 1984, с. 29, 33 и др.).

Прежде чем перейти к некоторым обобщениям, представляется целесообразным привести для сопоставления дополнительные сведения по отрывкам «Китаб ал-магази», вводимым формулой «калу».

⁵⁶ Повествование о самой битве при Бадре начинается со с. 19.

⁵⁷ Данное наблюдение принадлежит М. Джонсу (подробнее см.: Джонс, Предисловие /араб./ — Вакиди, 1984, с. 29; Jones, 1983, p. 348).

Наибольшее число использования формулы отмечается в объемных описаниях крупных сражений, которые содержат, как и сводный отчет о битве при Бадре, сопутствующие и вспомогательные тексты и строятся на сообщениях значительного количества информаторов⁵⁸. Напротив, более 10 малых сводных отчетов (от 1 до 10 страниц), в которых чаще всего повествуется о набегах и мелких столкновениях, вообще не содержат отсылок либо содержат всего одну отсылку к соответствующим коллективным иснадам, насчитывающим до 10 имен⁵⁹.

Текст сочинения ал-Вакиди, очевидно, дошел до нас не в полном составе⁶⁰, и наши наблюдения могут иметь лишь предварительный характер. Тем не менее, думается, можно сказать, что величина отрывка, вводимого коллективным иснадом, по-видимому, представляет собой первый из двух главных факторов, определяющих наличие (и при наличии — количество) разделителей «калу» в сводном отчете. Вторым решающим фактором является не число лиц, поименованных в коллективном иснаде, а количество единичных сообщений с единичными иснадами, введенными в сводный отчет.

Выше говорилось, что маркировка «калу» в первой подфункции обозначала верхнюю границу фрагмента сводного отчета от авторитетов из коллективного иснада. При введении в повествование единичного сообщения (или группы единичных сообщений) его иснад (или иснад первого из них) отмечал не только верхнюю границу единичного сообщения (или группы единичных сообщений), но и нижнюю границу предшествующего ему (им) фрагмента сводного отчета. Завершение единичного сообщения (или группы единичных сообщений) и начало нового сегмента сводного отчета маркировалось разделителем «калу».

Иснады единичных сообщений вводятся разными формулами, выполняющими роль «разделителей повествовательного текста». Наиболее частотны среди них производные от глаголов «хаддаса», «ахбара», «кала» с энклитиками: «хаддаса-ни» («он рассказал мне»), «хаддаса-на» («он рассказал нам»), «ахбара-ни» («он сообщил мне»), «ахбара-на» («он сообщил нам»), «фа-кана... йухаддису фа-йакулу» (букв.: «он рассказывал и говорил») и т.п.

Число единичных сообщений с единичными иснадами в повествовании ал-Вакиди о битве при Бадре приближается к 200. При этом необходимо заметить, что они делятся на две группы: 1) сообщения с единичными иснадами, в которых регистрируются имена, не вошедшие в коллективный иснад; 2) сообщения с единичными иснадами, повторяющимися от 1 до 3 звеньев из первоначального коллективного иснада.

Число сообщений первой группы, по нашим подсчетам, в первой части (Вакиди, 1984, с. 19–128) незначительно превышает 30, во второй (там же, 1984, с. 128–172), с учетом того, что она по размерам значительно меньше первой, их количество ощутимо возрастает: больше 40.

⁵⁸ Так, разделитель «калу» в описании «Битвы при Ухуде» используется около 30 раз, а количество лиц, упоминаемых в коллективном иснаде, достигает 15 (Вакиди, 1984, с. 199–334); в «Битве у рва» — 6 формул «калу» при 22 именах в коллективном иснаде (Вакиди, 1984, с. 440–496); в описании битвы при Хунайне — 18 формул «калу», в коллективном иснаде — 11 имен (Вакиди, 1984, с. 885–922); завоевание Хайбара: 16 «калу», в коллективном иснаде 26 имен (Вакиди, 1984, с. 633–705); поход на Мекку: 15 «калу», коллективный иснад — 17 имен (Вакиди, 1984, с. 780–875); заключение договора в ал-Худайбийе: всего — 9 «калу», 22 имени в коллективном иснаде (Вакиди, 1984, с. 571–633).

⁵⁹ Даже относительно большой фрагмент текста, в котором повествуется, по сообщениям 6 информаторов, об изгнании бану надир из Медины, снабжен лишь одной отсылкой «калу» (Вакиди, 1984, с. 363–383).

⁶⁰ В опубликованном тексте лакуны в рукописях «Китаб ал-магизи» отмечаются отточиями. Так, например, ал-Вакиди дважды говорит о цитировании стихов (о сражениях мединцев с мекканцами), которые на самом деле отсутствуют в публикации (Вакиди, 1984, с. 496, 549).

Сообщения второй группы отмечены нами в первой части более 70 раз, во второй — более 50 раз. С учетом того, что вторая часть в два с лишним раза короче первой, можно констатировать относительное увеличение числа единичных сообщений этой группы во второй части. Причем на некоторых страницах они встречаются до 3–4 раз.

Приведенные данные позволяют нам рассмотреть некоторые общие для «Сирь» и «Китаб ал-магази» вопросы.

Ибн Исхак и ал-Вакиди заявляют, что повествование о Бадре в их трудах будет построено как сводный рассказ на основании сообщений перечисляемых ими в коллективном иснаде лиц. Ибн Исхак: «...куллун кад хаддаса-ни ба'да хаза-л-хадиси фаджтуми'а хадису-хум фи-ма сукту мин хадиси бадрин. Калу...» (букв.: «...каждый рассказал мне часть этого рассказа, и были собраны воедино их рассказы в том, что я изложил в рассказе о Бадре. Они сказали...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 427; Сира, 1936, т. 2, с. 606). Ал-Вакиди: «...куллун кад хаддаса-ни мин хаза би-та'ифатин... фа-катабту кулла-л-лази хаддасу-ни. Калу...» (букв.: «...каждый рассказал мне из этого часть... и я записал всё то, что они рассказали мне. Они сказали...») (Вакиди, 1984, с. 2). При этом оба автора добавляют в свои отчеты о битве многочисленные единичные сообщения, каждый раз предваряемые самостоятельными именами иснадами. В этой связи возникает вопрос: не лишаются ли смысла предуведомления Ибн Исхака и ал-Вакиди? И действительно, с одной стороны, многие имена из их коллективных иснадов вновь повторяются в добавляемых иснадах, и, следовательно, последние до определенной степени могут рассматриваться как избыточные. А с другой стороны, коллективный иснад обоих не содержит имена всех информаторов всех сообщений в их рассказах о Бадре, и, стало быть, он неполон.

Первое предположение об избыточности повторов имен из коллективного иснада в иснадах единичных сообщений рассеивается при внимательном рассмотрении. Нельзя отрицать того, что в «Китаб ал-магази», например, при описании битвы при Бадре одни только значительные повторы (3 имени из коллективного списка) в иснадах подобных сообщений встречаются более 20 раз. Однако особенность таких иснадов состоит в том, что имена из общего перечня составляют их поздние элементы, тогда как ранние, т.е. главные, элементы, непосредственно связанные с источником сообщения, являются новыми, дополнительными. Иными словами, подобные иснады, сопровождающие единичные сообщения и у Ибн Исхака, и у ал-Вакиди, не содержат полных цепей, целиком составленных из имен коллективных иснадов⁶¹.

Второе из возможных предположений снимается уточнениями самих авторов «Сирь» и «Китаб ал-магази» о неполноте перечней авторитетов в коллективных иснадах: «...ва гайру-хум мин 'улама'и-на...» (букв.: «...и другие из наших ученых...») (Das Leben Muhammed's, 1858–1860. Bd. I. S. 427; Сира, 1936, т. 2, с. 606) и «...ва-гайру-хум кад хаддаса-ни айдан...» (букв.: «...и другие рассказали мне также...») (Вакиди, 1984, с. 2). Ибн Исхак и ал-Вакиди сокращают коллективный иснад, возможно и потому, что при включении всех информаторов перечень оказался бы излишне громоздким. Однако при цитировании единичных сообщений такое сокращение приводит к необходимости указывать иснады с именами, не вошедшими в коллективный список⁶².

⁶¹ Исключения редки, но они встречаются и у Ибн Исхака, и у ал-Вакиди; например, в анализируемом отрывке «Китаб ал-магази» — менее 10. Главная черта таких иснадов — краткость: они содержат, как правило, не более одного-двух звеньев.

⁶² Здесь мы абстрагируемся от случаев, когда то или иное единичное сообщение одного из информаторов противоречило единодушному мнению большинства информаторов. В подобных ситуациях специальная атрибуция сообщения была необходима.

Теперь появляется возможность подвести некоторые итоги использования коллективных иснадов и составления сводных отчетов Ибн Исхаком и ал-Вакиди. Их комментарии к коллективным и единичным иснадам, к содержательным компонентам сводных отчетов и самостоятельных сообщений свидетельствуют о том, что заимствованные и включавшиеся в повествование информативные элементы подвергались этими авторами различным видам индивидуально-авторской обработки. Составители «Сиры» и «Китаб ал-магази» выбирали и адаптировали нужные и наиболее важные сообщения, акцентировали их определенные смысловые нюансы, придавали им особое звучание в контексте сводного отчета и т.п. Вследствие этих действий результат сложения сообщений в сводных отчетах не мог быть равен точной сумме слагаемых оригинальных сообщений информаторов, зарегистрированных в коллективных и единичных иснадах.

Самооценки Ибн Исхака и ал-Вакиди, имеющие, конечно же, важное значение, тем не менее не дают в структурно-композиционном отношении объективного представления о конечных результатах объединения отдельных сообщений различных носителей информации в сводном рассказе о том или ином событии. Такая работа была проведена европейскими учеными. Наиболее подробно принципы и результаты сведения единичных сообщений в коллективных отчетах были проанализированы ими применительно к «Китаб ал-магази» ал-Вакиди.

Из сравнения исторических текстов явствует, говорят исследователи, что ал-Вакиди имел в своем распоряжении и в той или иной мере использовал разнообразные источники. Расходясь в оценке отдельных аспектов отношения ал-Вакиди к трудам предшественников⁶³ (для нас в данном конкретном случае это обстоятельство не так уж и важно), ученые в целом едины во мнении, что сплавление различных сообщений разных авторов в одном рассказе о событии непосредственно отражалось на содержании данного рассказа. Составитель «Китаб ал-магази» создавал из оригинальных сообщений предшественников «амальгамное» повествование, характеризовавшееся во многом новым видением прошлого⁶⁴.

Проведенное выше сопоставление позволяет, на наш взгляд, распространить данные выводы и на «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама. Авторы «Сиры», как и автор «Китаб ал-магази», непосредственным образом участвовали в создании нового текста из сообщений, полученных ими из общего фонда. Складывая вместе отдельные матны в амальгамных матнах и объединяя соответствующие им единичные иснады в коллективных иснадах, Ибн Исхак и ал-Вакиди создавали необходимые предпосылки для формирования и утверждения принципов связного повествования в средневековой арабской историографии.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть то, что речь идет именно о предпосылках формирования связного повествования. В обоих трудах коллективные иснады, иницирующие рассказ об определенном событии, не исключают добавления в сводные отчеты более или менее значительного числа единичных сообщений с единичными иснадами. Последние в силу давней традиции сохраняли свой самостоятельный дискретный характер; как элементы композиции они объективно нарушали гомоген-

⁶³ В свое время Ю. Вельхаузен (Wellhausen, 1882) и И. Хоровиц (Horovitz, 1898) показали зависимость ал-Вакиди от Ибн Исхака. Попытка М. Джонса оспорить результаты их анализа (Jones, 1983, p. 347–349) нашла поддержку не у всех исследователей (см., например: Schoeler, 1996, S. 25, 137–142; Leder, 2002, p. 101b–102b).

⁶⁴ Анализ, проведенный М. Леккером, показал, что хадисы и оригинальные сообщения при включении в сводные отчеты ал-Вакиди не суммируются, а как бы амальгамируются и приобретают новые свойства (подробнее см.: Lecker, 1995, S. 9–27; см. также: Jones, 1983, p. 347–349; Schoeler, 1996, S. 137–141; Leder, 2002, p. 101b–102b; Rubin, 1998; Та'рих, 2000, p. 272a–273b).

ность рассказа от имени авторов сочинений. Таким образом, коллективные иснады создавали необходимые, но недостаточные условия для формирования полноценного связного повествования.

Помимо коллективных иснадов и сводных отчетов, стиравших грани между единицами наррации, относительная связность текста могла достигаться и таким радикальным способом, как полное удаление иснадов⁶⁵. Коллективный иснад, собственно говоря, можно рассматривать в этом плане как один из элементов трансформации иснада на пути к его устранению. Не ставя перед собой задачу подробно проследить всю историю данной трансформации (это самостоятельная и большая тема специального исследования), ограничимся лишь теми ее аспектами, рассмотрение которых позволит нам лучше понять место «Сирь» Ибн Исхака — Ибн Хишама в процессе становления связного повествования в средневековой арабской историографии.

Утверждение иснада как средства документирования хадисных и литературных (адабных) сообщений практически одновременно, по всей видимости, сопровождалось и различными моментами, предвещавшими его отмирание в будущем. Один из них, как считает М. ал-Кади, мог состоять даже в пародировании(!) иснада в относительно ранних адабных сочинениях.

Так, ученый достаточно обоснованно, на наш взгляд, видит пародирование иснада в трудах ал-Джахиза (ок. 160–255/ок. 776–868/9). Приведем некоторые из примеров, на которых он основывает свое наблюдение: 1. «Рассказал мне начальник стражи квартала Баб ал-Карх: „Сказал как-то мне владелец бани...“»; 2. «Поведал мне хлебопек одного из наших друзей...»; 3. «Рассказала мне женщина, сведущая в делах...»⁶⁶. Ал-Кади также обращает внимание на сознательное пародийное снижение ал-Джахизом профессии известных ученых — передатчиков хадисов, которых он может назвать, например, земледельцем, владельцем бани, поваром и т.п.⁶⁷.

Во второй половине IX — начале X в. трансформация иснада стала осознаваться известными адабными авторами уже в виде неких поэтологических рекомендаций. Ранее мы привели слова ал-Исфাহани о целесообразности использования коллективных иснадов и составления сводных рассказов. Практически одновременно с ним Ибн ‘Абд Раббих (246–328/860–940) в своем высказывании пошел еще дальше. Если ал-Исфাহани говорил о возможности преодоления дискретности отдельных сообщений путем их соединения в сводном отчете, то Ибн ‘Абд Раббих заявил о другой возможности. Он эксплицитно высказал мысль о полной ненужности иснадов в литературных сочинениях антологического (адабного) типа, которая давно и широко претворялась на практике. «И я удалил иснады из большинства сообщений, — пишет автор «Неповторимого ожерелья», — стремясь к легкости и краткости и избегая тяжеловесности и длиннот, поскольку дело идет об увлекательных сообщениях, мудрых изречениях, забавных историях, коим не принесет пользы добавление к ним иснада, равно как и не причинит им вреда его удаление. Удалял же кое-кто из них (ученых-мухаддисов. — *А.К.*) иснады хадисов из установлений сунны и предписаний шариата, так почему бы и нам не удалять их из ходячей истории, известной притчи, занимательного сообщения и хадиса, свет которых угасает, когда они длинны и многословны» (Ибн ‘Абд Раббих, 1990, т. 1, с. 17–18).

⁶⁵ Сходные мысли в связи с эволюцией системы передачи текстов в арабо-мусульманской культуре в VII–X вв. неоднократно высказывались ранее (см., например: Гибб, 1960, с. 132–133; Халидов, 1985, с. 105–107; Микульский, 2006, с. 32).

⁶⁶ Перев. цит. по: Джахиз, 1965, с. 64, 78, 146.

⁶⁷ Подробнее см.: Кади, 1998, с. 281–282.

Как мы видим, Ибн ‘Абд Раббих указывает следующие основные причины возможности и целесообразности удаления иснада из адабных трудов: 1) практическая, основывающаяся на здравом смысле: иснад утяжеляет книгу, поскольку содержание адабного сообщения передается в тексте (*матне*), а не в списке передатчиков (*иснаде*) данного сообщения; 2) «прецедентная»: если иснад иногда удаляется из пророческих хадисов, то тем более позволительно, по аналогии, так сказать, с «законными прецедентами», устранять его из литературных сообщений.

Из этих наблюдений следует важный вывод: за два столетия, отделяющие Ибн Исхака от ал-Исфакхани и Ибн ‘Абд Раббиха, основополагающие историографические принципы арабов претерпели значительные изменения. И здесь не столь уж важно, что тексты (хадисные, агиографические — с одной стороны, и адабные — с другой) сильно разнятся в жанровом отношении. В оценке ал-Исфакхани и Ибн ‘Абд Раббиха, и коллективный иснад, и устранение иснадов способствуют достижению одной цели — приданию текстам большей связности. Тенденция, приобретающая зримые очертания в эпоху ал-Исфакхани и Ибн ‘Абд Раббиха, достаточно отчетливо проявилась уже в сочинениях Ибн Исхака и ал-Вакиди.

Список литературы

- Аль-Джахиз*. Книга о скупых. Пер. с араб., предисл. и прим. Х.К. Баранова. М., 1965.
- Бойко К.А.* Хабар // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 259–260.
- Гибб Х.А.Р.* Мусульманская историография. Пер. П.А. Грязневича // *Гибб Х.А.Р.* Арабская литература (классический период). М., 1960. С. 117–155.
- Грязневич П.А.* Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры. V–XV вв. М., 1982. С. 75–155.
- Ибн Исхак — Ибн Хишам*. Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре. Предисл. А.Б. Куделина. Перев. с араб. и комм. А.Б. Куделина и Д.В. Фролова. Подготовка араб. текста и коммент. М.С. Налич. М., 2009.
- Куделин А.Б.* «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы // Письменные памятники Востока. М., 2005, № 2(3). С. 223–234.
- Микульский Д.В.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов». М., 2006.
- Уотт У.М.* Мухаммад в Мекке. М.; СПб., 2006.
- Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
- Ал-Вакиди* (Мухаммад ибн ‘Умар ибн Вакид). Китаб ал-магази (Книга походов). Т. 1–3. Подготовка текста, араб. и англ. предисловия М. Джонса. Изд. 3-е. Байрут, 1984.
- Ал-Исфакхани*. Китаб ал-агани (Книга песен). Т. 1–24. Ал-Кахира, 1925–1974.
- Ас-Сира ан-набавийя ли Ибн Хишам (Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка). Изд. подготовлено М. ас-Сака, И. ал-Абйари, ‘А. Шалаби. Т. 1–4. Ал-Кахира, 1936.
- Ал-Асад Н.* Масадир аш-ши‘р ал-джахили ва кайматуха ат-тарихийя (Источники джахилийской поэзии и их историческая ценность). 2-е изд. Ал-Кахира, 1962.
- Ибн ‘Абд Раббих*. Ал-‘Икд ал-фарид (Неповторимое ожерелье). Т. 1–7. Изд. А. Амина, И. ал-Абйари, ‘А. Харуна. Байрут, 1990.
- Ал-Кади М.* Ал-Хабар фи-л-адаб ал-‘араби. Дираса фи-с-сардийя ал-‘арабийя (Хабар в арабской литературе. Опыт исследования арабской нарративности). Тунис–Байрут, 1998.
- Малик ибн Анас*. Ал-Муватта’ (Торная дорога). Т. 1–2. Предисл. Шарафа Х.‘А. Ал-Кахира, 1988.
- Abbott N.* Ḥadīth Literature — II: Collection and Transmission of Ḥadīth // *The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period.* Cambridge University Press, 1983. P. 289–298.
- Ad-Dīnawerī*. Kitāb al-aḥbār aṭ-ṭiwāl (Книга длинных сообщений). Préface, Variantes et index par I. Kratchkovsky. Leide, 1912.

- Baker P.W., Edge I.D.* Islamic Legal Literature // The Cambridge History of Arabic Literature. Religion, Learning and Science in the 'Abbasid Period. Cambridge University Press, 1990. P. 139–154.
- Blachère R.* Histoire de la Littérature Arabe dès origines à la fin du XV-e siècle de J.-C. 1–3. P., 1952, 1964, 1966.
- Dalen, B. van, Humphreys R.S., Marin Manuela, et al. de.* Ta'rīkh // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden–London, 1960–2004. T. X (2000). P. 257b–302a.
- Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd. I–II. Göttingen, 1858–1860.
- Horowitz J.* Alter und Ursprung des Isnad // Der Islam. VIII /1918/. S. 39–47.
- Horowitz J.* The Earliest Biographies of the Prophet and Their Authors // Islamic Culture. II (1928). P. 22–53.
- Horowitz J.* De Wāqidiī libro qui Kitāb al-Maḡāzī inscribitur. B., 1898.
- Humphreys R.S.* Islamic History: A Framework for Inquiry. Rev. Ed. L.–N. Y., 1991.
- Jones J.M.B.* The Maghazi Literature // The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period. Cambridge University Press, 1983. P. 344–351.
- Lecker M.* The Death of the Prophet Muḥammad's Father: Did Wāqidi Invent Some of the Evidence // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft 145/1995/. P. 9–27.
- Leder S.* al-WĀQIDĪ, Muḥammad b. 'Umar b. Wāqid // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden–London, 1960–2004. T. XI (2002). P. 101b–103a.
- Levi Della Vida G.* Sīra // The Encyclopaedia of Islam (1st edn — EI¹). Leiden, 1913–1942. T. VII. P. 439–443.
- Rauf M.A.* Ḥadīth Literature — I: The Development of the Science of Ḥadīth // The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period. Cambridge University Press, 1983. P. 271–288.
- Robson J.* Al-Djārḥ wa 'l-ta 'dīl // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden–London, 1960–2004. T. II (1965). P. 462a–462b.
- Robson J.* Ḥadīth // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden–London, 1960–2004. T. III (1971). P. 23b–28a.
- Robson J.* Ibn Ishāq's Use of the Isnād // Bulletin of the John Rylands Library. XXXVIII (1956). P. 449–465.
- Rubin U.* The Prophet Muḥammad and the Islamic Sources // The Formation of the Classical Islamic Word. "The Life of Muḥammad". Xxx Variorum: Vermont, 1998.
- Schacht J.* Malik b. Anas // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden–London, 1960–2004. T. VI (1990). P. 262b–265b.
- Schoeler G.* Charakter und Authentie der muslimischen Überlieferung über das Leben Mohammeds. B., 1996.
- Sezgin F.* Geschichte des arabischen Schrifttums. I–IX. Leiden, 1967–1984.
- Wellhausen J.* Muhammed in Medina, das ist Vakidi's Kitāb al-Maghazi in verkürzter deutscher Wiedergabe. B., 1882.
- Wensink A.J.* Khabar // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden–London, 1960–2004. T. IV (1978). P. 895a–895b.

Summary

Alexander B. Kudelin

The "Collective Isnad" as the Composition Factor in *The Life of the Prophet* by Ibn Ishāq — Ibn Hishām

It was in *Al-sīra al-nabawiyya* that Ibn Ishāq — first among the Muslim scholars — pieced together the discrete narrative traditions (*ḥadīths*) related to the life of Muhammad. The Ibn Ishāq's key narrative technique was the so-called "collective *isnad*". By putting together the *isnads* from separate *ḥadīths* into collective *isnads*, and by compiling the edited informational components (*matns*) of these traditions into summary accounts, he has shaped certain narrative structures. Thereby, Ibn Ishāq paved the way for future affirmation of the principles of narrative coherence in Medieval Arab historiography.